

БИОГРАФИЯ — ЭТО РАССКАЗ О ПРОШЕДШЕМ, НО НАПИСАННЫЙ СЕГОДНЯ

Борис Докторов
доктор философских наук, профессор

Содержание интересной и полезной книги [1] Иры Федоровны Петровской «Биографика» и наша беседа [2] с нею показывают сложность изучения биографий и множественность подходов к пониманию сущности биографии. Если кратко, то мое отношение к высказанному ею сводится к простой формуле: я согласен с ее точкой зрения, но при этом разделяю многое в подходах других и не отказываюсь от своего. Природа подобного отношения вызвана рядом обстоятельств, но главные из них — два. Во-первых, мы по-разному смотрим на соотношение прошлого и настоящего, во-вторых, различно трактуем роль биографа.

Согласно Петровской, «биография — это всегда история, рассказ о прошедшем». Очевидно, что прошлое в биографии более, чем просто присутствует, оно — партнер человека в драме его жизни. Однако серьезно написанная биография не может быть лишь о прошедшем, само по себе это отдаленное время интересно только узкому кругу специалистов. Биография личности, оставившей яркий след в той или иной области человеческой деятельности, значима только в том случае, если прошлое, присутствующее в ней, воспринимается современностью как значимое, и в этом смысле биография, даже человека жившего много веков назад, — это и рассказ о настоящем. Цель изучения биографии всегда современна и обязательно явно или латентно касается будущего. Мне близок девиз одной из онлайн-сетей американских историков: «Так как прошлое — это настоящее и будущее также» (Because the Past is the Present, and the Future too). Другими словами, «чистого» прошлого в историко-биографических исследованиях не существует.

К теме баланса прошлого и настоящего, относится и вопрос о соотношении судьбы и биографии. И.Ф. Петровская ответила: «Чуждая всяких суеверий, я не приемлю идею судьбы как предопределения. Человек сам строит свою жизнь — подчиняясь обстоятельствам, сколько возможно отстраняясь от них, преодолевая их (борясь) с большими или меньшими усилиями». И далее она указывает на три фактора, определяющие биографию: биогенетические качества человека, конкретные историко-социальные условия его жизни и его собственные жизненные планы. По моему мнению, называя эти факторы, Петровская, во многом говорит именно о судьбе.

В данном случае нет необходимости рассматривать и комментировать различные дефиниции терминов «биография» и «судьба», обозначу лишь в общих чертах мою точку зрения на природу их единства-различия [3]. Биография — это совокупность всех действий и мыслей человека, происходящих на годы его жизни. Дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой работал человек, не в силах изменить траекторию его жизни, ибо все это уже произошло. Но будущее придает прожитой жизни новый смысл, и значит — детерминирует, проявляет судьбу.

Судьба, в моем понимании, — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба — теоретически бесконечна, точнее сказать — она обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба — многомернее биографии. И, говоря по существу, биографы имеют дело не с биографиями, а с судьбами. Ученые, писатели оказываются во власти судеб своих героев уже тогда, когда берутся за изу-

чение их биографий, а часто — и много раньше. Историк, как правило, имеет дело не с собственно биографией, но с биографией как частью, элементом, слоем судьбы человека. И очень часто, чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а часто и за более короткий срок, биография «пропитывается» судьбой. Это и есть мифологизация образа человека.

Чтобы иллюстрировать некую «заданности» конструкции жизненной траектории человека, не обязательно обращаться к истории императорских, монарших семей, достаточно вспомнить множество династий военных, ученых, музыкантов. В США никогда не было дворянства и системы сословий, но есть долгие семейные истории. В политике и в бизнесе существуют кланы, в которых опыт первых сохраняется и преумножается в деятельности трех-четырёх и более поколений.

В моих интервью с российскими социологами тоже наблюдается существование некоей предначертанности. Татьяна Ивановна Заславская много рассказала о своем деде — профессоре-физике и отце — профессоре-психологии и отметила, что с детства знала, что она будет заниматься наукой [4]. Отец и дед Андрея Григорьевича Здравомыслова были выпускниками Петербургского университета, по-видимому, и он считал своим долгом учиться там [5]. Среди первых поколений российских социологов никто не мог, а потому и не был продолжателем дела отцов, семейные традиции никак не детерминировали выбор этой профессии. Но теперь многое изменилось: Владимир Александрович Ядов говорит уже о трех поколениях социологов в его семье [6].

Однако судьба — это не только предначертанность биографии, или предбиография, судьба это — и постбиография, это жизнь после смерти, ибо, судьба человека, много оставившего людям, с одной стороны, просматривается в процессе освоения его наследия представителями новых поколений, с другой — влияет на это процесс. В богатой постбиографической жизни, невозможно отделить факты от мифов, и дело не в ограниченности информационной базы, а в психологии людей. Например, в уже написанных биографиях Владимира Высоцкого, невозможно отделить правду от вымысла. И в будущем отфильтровать одно от другого будет невозможно, ибо каждый, кто возьмется за описание его жизни, будет не только опираться на опубликованное, но слушать его песни, т.е. постоянно общаться с ним.

И.Ф. Петровская пришла к изучению биографии как историк-источниковед, знающий досконально эту область и акцентирующий важность следования букве документа. Но есть и другие дороги, ведущие исследователей к анализу биографий.

Так, для Юрия Александровича Филипченко (1882-1930), основателя петербургской школы генетики, одного из первых русских биологов, применявших вариационную статистику, было естественным написать о Гальтоне и Менделе, которые заложили основы этих наук [7]. Работа Бориса Григорьевича Кузнецова (1903-1984) началась в коллективе создателей плана ГОЭЛРО, она заставила его задуматься о будущем развитии электротехники, это, в свою очередь, было импульсом к обращению к истории и методологии науки — от эпохи Возрождения

до рождения теории относительности и квантовой физики. И уже затем возникли его известные книги об Эйнштейне [8] и Галлилее [9]. Даниил Семенович Данин (1914-2000), до войны закончил физический факультет МГУ и Литературный институт им. Горького. В 60-х его заинтересовали «драмы идей», и некоторые итоги осмысления этого феномена отражены в его научно-художественных биографиях Резерфорда [10] и Бора [11]. Мой интерес к биографиям и наследию Джорджа Гэллага и других американских полстеров возник из стремления понять, как «из ничего» возникла сложная и многообразная современная методология и практика изучения общественного мнения, и разработка этой темы подтолкнула меня к проведению биографических интервью с отечественными социологами.

Я очень давно читал Филипченко и не помню, есть ли в его книге рассуждения о его методе работы над биографиями. Но в книгах Данина и Кузнецова мысленный диалог с их героями присутствует явно. Их биографические построения — не только продолжение информации, представленной в документах, но и итоги мысленных диалогов с теми, чью жизнь они изучали.

Литература

1. Петровская И.Ф. Введение в биографику. Источники биографической информации о россиянах 1801-1917 гг. Российский институт истории искусств. — СПб. : Logos, 2003.
2. И.Ф. Петровская: «Эпоха — не исторический фон, а партнёр человека в драме его жизни». Настоящий выпуск журнала, с. ???
3. Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008. Гл. 1.
4. Т.И. Заславская: «Глоток свободы был слишком основательным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5-14.
5. Здравомыслов А.Г. «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит — надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2-10.
6. В.А. Ядов: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №3. С. 2-11; 2005. №4. С. 2-10.
7. Филипченко Ю.А. Фрэнсис Гальтон и Грегор Мендель. М.: 1925.
8. Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. М.: Наука, 1979.
9. Кузнецов Б.Г. Галилей. — М.: Наука, 1964.
10. Данин Д. Резерфорд. М.: 1967.
11. Данин Д. Нильс Бор. М.. 1978.